

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолжение).

VII. Иуда—предатель. Затѣмъ мы встрѣчаемъ Иуду въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о взятіи Господа: Мѳ 26, 47—56 Мк 14, 43—52 Лк 22, 47—53 Ін 18, 1—11. Посредствомъ куска, даннаго Иудѣ, Господь лично указалъ на него какъ на Своего предателя только уже въ самомъ концѣ вечери, и при томъ тайно, одному Своему наперснику и любимцу Иоанну. Подѣлился ли Иоаннъ этимъ открытиемъ съ Петромъ тутъ же, во время возлежанія за вечерею, остается неизвѣстнымъ. Положеніе возлежавшихъ не было удобно для разговоровъ. Можно было, не перебивая Господа, объясняться только молчаливыми знаками. Во всякомъ случаѣ всѣ прочіе ученики были далеки отъ мысли, что предатель—Иуда Искаріотъ. Это ясно изъ замѣчанія Евангелиста, что слова Господа Иудѣ: „что дѣлаешь, сдѣлай скорѣе“,—одни поняли какъ распоряженіе купить нужное къ празднику, напр. для праздничной жертвы—хагиги, начинавшей приготовляться съ полуночи, или для слѣдовавшей субботы,—а другіе—какъ приказъ не забыть о нищихъ въ такой великой праздникъ. Неизвѣстно также, какъ понялъ слова Господа самъ Иуда въ то время, когда бралъ поданный кусокъ и оставлялъ вечерю. Подозрительно и злобно настроенный, онъ могъ увидать въ нихъ оскорбительный намекъ оставить поскорѣе комнату и избавить интимное общество отъ нежелательного участника. А потомъ, въ процессѣ раскаянія, эти слова, какъ и другое многое, должны были открыть предателю, что Предаваемый зналъ коварный замыселъ Своего ученика и друга и не воспрепятствовалъ злодѣянію только въ исполненіе Своего уч-

вія „не противитъся злу (Ме 5, 39) и „да исполнится писаніе“ или Превышеи Совѣтъ о необходимости смерти Сына Человѣческаго для спасенія человѣчества (Ме 26, 42. 53—54 Ін 18, 11 и др.).

Какъ бы то ни было, повелѣніе Господа: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“ вполнѣ соотвѣтствовало уговору Іуды съ архіерями. Благодаря Іудѣ, они могли теперь убѣдиться въ томъ, что „Виѳанская Осанна“ была только мимолетною вспышкою революціонно настроившейся толпы, инертной и консервативной,—и что со стороны народа не будетъ серьезныхъ и активныхъ противодѣйствій суду и казни надъ Галилейскимъ Пророкомъ. Это заставило синедристовъ измѣнить первоначальный планъ—предать Христа казни послѣ праздника (Ме 26, 5). Безшумно взявъ Христа въ пасхальную ночь, когда всѣ старались по возможности не оставлять до утра мѣстъ праздничной вечери, синедристы рѣшили совершить казнь надъ лжемессію на слѣдующій, первый и великий, день праздника опрѣсноковъ, торжественно и всенародно, согласно предписанію закона „казнить смертью лже-пророка на трехъ великихъ праздникахъ“ (Второз. 17, 13 Мишна Синедр. XI, 4 и Тос. у Переф. 320 и 297).

Взявъ кусокъ, а вмѣстѣ съ нимъ всецѣло отдавшись злому сатанинскому замыслу, зачарованный мыслию о выдачѣ и казни Лжемессіи, Іуда ушелъ съ вечери. Была полночь. Луна полнымъ дискомъ (пасха у евреевъ всегда празднуется во время полнолуния) освѣщала знакомую предателю дорогу. Ворота храма, если только запирались въ эту ночь, должны были отпираться съ полуночи, для приготовленія торжественной праздничной жертвы (хагиги) первого и великаго дня опрѣсноковъ (Іос. Antiq. 18, 2. 2 и Bell. 4, 4. 6 и 6, 5. 3). Храмовые сторожа вѣроятно знали Іуду, а архіереи и начальники, занятые по случаю праздника храмовыми службами, бодрствовали и навѣрно уже поджидали предателя. Іудѣ даютъ большую толпу (*ὄχλος*) архіерейскихъ стражниковъ съ мечами и кольями, а по Іоанну и отрядъ воиновъ (спири), вооруженныхыхъ копьями, съ тысячечачальникомъ во главѣ (архіереи очевидно позаботились о римскихъ солдатахъ, какъ болѣе надежной охранѣ, у прокуратора Пилата). По Лукѣ идутъ сами архіереи, всѣ или нѣкоторые,—храмовые начальники и старшины народные,—а по Марку—и

книжники,—т. е. вообще члены синедрона, всѣ или нѣкоторые.

Іуда зналъ мѣсто, гдѣ въ послѣднее время проводилъ Господь ночи—г҃еєсиманскій садъ на іерусалимскомъ, т. е. западномъ склонѣ Елеонской горы и нѣсколько далѣе, на вершинѣ горы—въ Виеаніи (Ін 18, 2 Лк 21, 37 Мѳ 21, 17). На сей разъ Господь не дошелъ до Виеаніи и остановился въ Геєсиманскомъ саду (Ін 18, 1 Мѳ 26, 36 Мк 14, 32 Лк 22, 39),—не потому, конечно, чтобы раздѣлялъ раввинско-фарисейскія заботы о субботнемъ пути въ пасхальную ночь, но „душа Его была прискорбна до смерти“ и смертная тоска остановила Его для молитвенного подвига душевной борьбы подъ уединенной и безмолвной сѣнью геєсиманского сада.

Вся эта толпа, при освѣщениіи факеловъ изъ горѣвшей смолы на кольяхъ и свѣтильниковъ изъ масла (и при полномъ свѣтѣ луны искусственное освѣщеніе требовалось подъ сѣнью деревъ геєсиманского сада), предшествуемая Іудою и по его указанію, приходитъ въ геєсиманскій садъ, въ то мѣсто, гдѣ Господь только что окончилъ Свою молитву и далъ тремъ Своимъ довѣренѣйшимъ ученикамъ знакъ, что насталъ предназначенный часъ Его страданій (Мѳ 26, 46 и пар.). И хотя отъ луны, факеловъ и свѣтильниковъ было довольно свѣтло и видно людей, но стражники не знали, кого изъ одиннадцати надлежало братъ. Притомъ самъ Іуда не могъ быть увѣренъ, что непремѣнно найдетъ Христа въ саду среди учениковъ. Поэтому онъ далъ стражѣ такой знакъ: *кого если* (этого „если“ могло и не быть, при отсутствіи Христа) *поцѣлую*, *Онъ это (есть)*, *возмите* (букв: держите, схватите) *Его*,—Мк приб: *и уводите осторожно* (ср. Дн. 16, 23). *И тотчасъ подошелъ къ Іисусу и сказалъ: здравствуй* (букв: радуйся, евр: миръ надъ тобою) *Равви* (*Учитель*, у Мк. больш. оп. *равви*). *И поцѣловала* *Его* (обычный способъ привѣтствія близкихъ лицъ при свиданіи). Лк. только: *и приблизился къ Іисусу поцѣловать Его* (по нѣкот. какъ Мѳ). На это Господь сказалъ ему: „*Другъ!* (*ѓїаѓре*, товарищъ, кто долженъ быть, считается другомъ, занимаетъ положеніе друга: ср. Мѳ. 20, 13; 22, 12, т. е. Іуда, какъ одинъ изъ двѣнадцати довѣренѣйшихъ и ближайшихъ учениковъ Господа, какъ соучастникъ тайной вечери) *зачѣмъ пришелъ?*! Мк. оп. Лк. въ истолковательномъ видѣ: „*Іуда!* цѣлованіемъ ли Сына Человѣческаго пре-

даєшъ?!" „Тогда, подойдя, наложили на Иисуса руки и взяли Его“. Іоаннъ, опуская о поцѣлуї Іуды, дополняетъ синоптическій разсказъ слѣдующимъ сообщеніемъ: „Иисусъ же, вѣдая все грядущее на Него (что должно съ нимъ произойти), вышелъ и говоритъ имъ: кого ищете? Отвѣчали Ему: Иисуса Назорея. Говоритъ имъ: это Я. А съ ними стоялъ и Іуда, предававший Его. И какъ сказалъ имъ: это Я, они отступили назадъ и пали наземь. И опять ихъ спросилъ: кого ищете? Они сказали: Иисуса Назорея. Отвѣчалъ Иисусъ: сказалъ Я вамъ, что это Я,—и если Меня ищете, оставьте ихъ (учениковъ) уходить, да исполнится слово, что сказалъ Онъ, что кого даль Ты Мне, не погубилъ Я изъ нихъ никого (Ін 17, 12). Очевидное мѣсто этого события уже послѣ предательского поцѣлуя, когда стража намѣревалась, по знаку Іуды, братъ Господа.

Кромѣ того Евангелисты сообщаютъ еще объ одномъ событии, могшемъ имѣть значеніе для послѣдующаго поведенія Іуды. „И вотъ одинъ изъ бывшихъ съ Иисусомъ, повѣствуетъ Матѳей, простерши руку, извлекъ мечъ свой и, ударивъ архіерейскаго раба, отскѣкъ его ухо“. Тоже Мк. Нѣсколько иначе Лк: „Видя же бывшіе съ Нимъ, что будетъ (къ чему идетъ дѣло—нѣк. оп.), сказали: Господи, не ударить ли мечемъ? И (не дождавшись отвѣта Господа) одинъ кто-то изъ нихъ ударилъ архіерейскаго раба и отскѣкъ ухо его правое“. Іоаннъ дополняетъ такъ: „Симонъ же Петръ, имъя мечъ, извлекъ его и, ударилъ архіерейскаго раба и отскѣкъ его ухо правое: было же имя рабу Малхъ“.

На это, несоответствовавшее духу Христова ученія о непротивленіи злу и насилию зломъ и насилиемъ, дѣйствіе Ап. Петра Господь сказалъ ему: возврати мечъ свой въ мѣсто его, ибо всѣ, взявши мечъ, мечемъ погибнутъ (т. е. по ветхозавѣтному закону возмездія и языческому *jus talionis* на насилие и зло отвѣчаютъ насилиемъ и зломъ, на мечъ—мечомъ, око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь, истребленіе первенцевъ, мщеніе до третьяго, четвертаго, даже десятаго рода,—блажень, иже иметь и разбить младенцы окамень). Или думаешь, что не могу (др. чит. еще: „теперь“) умолить Отца Моего, и предоставить Мне теперь болѣе (др. приб. „нежели“) двѣнадцати легіоновъ (соответственно двѣнадцати апостоламъ, однимъ изъ коихъ былъ Петръ съ своимъ мечемъ) ангеловъ? Какъ же исполняются писанія, что такъ должно быть?“ Мк

опускаетъ рѣчъ Господа къ Петру. Лк такъ: „*Тогда Иисусъ сказалъ: оставьте это. И, коснувшись уха, исцѣлилъ его*“.
Ін: „*но Иисусъ сказалъ Петру: вложи мечъ въ ножны,—чашу, что далъ Мнѣ Отецъ, неужели Мнѣ не пить ее?*“.

Послѣ сего Господь обратился къ пришедшой толпѣ съ словами: „*какъ (будто) на разбойника вышли вы съ мечами и кольями взять Меня. По днямъ въ храмъ сидѣлъ я и училъ, и вы не брали Меня*“ (Лк приб: но вотъ теперь ваше время и власть тьмы). *Сie же все было, да исполняются писанія пророковъ. Тогда ученики всѣ, оставивъ Его, бѣжали*“. А воины, тысяченачальникъ и слуги іудейскіе схватили Іисуса, связали Его и повели къ архіереямъ сначала къ Анану, потомъ къ Каїафѣ и въ синедріонъ, наконецъ къ Пилату.

Къ этимъ евангельскимъ повѣствованіямъ почти нечего прибавить въ разъясненіе.

Подъ гнетомъ катаринской мысли о преданіи Лжемессіи архіереямъ Іуда какъ бы бурнымъ и неудержимымъ потокомъ несется къ концу своего злодѣйства, въ сообществѣ многочисленной толпы архіерейскихъ слугъ съ самими архіереями, начальниками, старшинами и книжниками—членами синедріона, и съ отрядомъ римскихъ солдатъ подъ начальствомъ хиліарха. Предательскій поцѣлуй и привѣтствие Христа Іудою не были ни злорадствомъ побѣдившаго и мстящаго врага, ни тѣмъ болѣе выраженіемъ благожеланія Іуды своему бывшему Учителю. Это постоянное и уже въ привычку вошедшее привѣтствие было только знакомъ для стражи, не болѣе. „Равви“, какъ и на тайной вечерѣ, конечно можетъ указывать на то, что Іуда, потерявшій вѣру въ Іисуса, уже не склоненъ былъ считать Его своимъ Господомъ, хотя и „Учителемъ“ онъ могъ называть Христа тогда, если не лицемѣрно, то механически, по привычкѣ. Надо замѣтить, что еврейско-армейское *Равви* и *Раввуні* означаетъ и: Учителъ мой—*бабакале*, и Господь—Господинъ мой—*хире*, у тогдашнихъ евреевъ это были синонимы. Но на устраниеніе втораго значенія въ возвзваніяхъ предателя намекаютъ Матѳей и Іоаннъ. Первый ни разу не усvoяется такого возвзванія другимъ ученикамъ (только Самъ Господь употребляетъ это слово въ запрещеніи ученикамъ называться этимъ титуломъ 23, 7. 8); только одному Іудѣ дважды, и на тайной вечерѣ, въ явную противоположность съ „*хире—Господи*“ другихъ

учениковъ (но у Мк безразлично 9, 5; 10. 51: 11, 21; 14, 45; ср. Мѳ 14, 28. 30; 17, 4; 18, 21 и *χόριος* какъ имя Бога 1, 20; 2, 15; 4, 7; 7, 21; 11, 25 (у Лк ни разу и слѣд. безразлично). У Ін какъ у Мѳ видимо различаются, такъ какъ *Равви* усвояется ученикомъ, повидимому, лишь въ новыхъ стадіяхъ вѣры, до 11-й главы, притомъ лицамъ усиленной вѣры: Самарянкѣ, царедворцу, разслабленному, слѣпцу, сестрамъ Лазаря, особенно Ап. Петру при исповѣданіи его въ 6, 68, между тѣмъ какъ ранѣе ученикамъ усвояется *Равви* въ то время, когда самарянка говоритъ *Господи*. Въ 11-й главѣ и ученики говорятъ: *Господи!* Но съ 13-й названіе *Равви* совсѣмъ исчезаетъ, и только Маріи Магдалини усвояется *Раввини* 20, 16. Въ виду того, что Іоаннъ дважды и выразительно переводить терминъ греческимъ *διδάσκαλος* (1, 39 и 20, 16), а не *χόριος*,—а въ 6, 68 и особенно 20, 29 послѣдній терминъ принимается за имя Божіе, мы должны думать, что и Іоаннъ, какъ и Матеей, различаютъ термины, видя въ первомъ гораздо менѣе, чѣмъ во второмъ. Можетъ быть также здѣсь проявляется зилотское пристрастіе Искаріота къ юдаїзму и національному языку, между тѣмъ какъ другіе Апостолы, по примѣру Самого Христа, употребляли иногда и греческій языкъ (ср. *ἄνωθεν* Ін. 3, 3; 12, 20 сл. 28—30) и называли Христа греческими: *διδάσκαλος* и *χόριος* (ср. Дея. 21, 37. 40 и 22, 1).

VIII. Самосудъ Прѣдателя. Уговоръ Прѣдателя съ архіереями исполненъ. Злодѣйство совершено. Лжемессія взять и преданъ суду іерусалимскихъ властей. Три евангелиста—Маркъ, Лука и Іоаннъ не занимаются болѣе личностью Искаріота. Но безъ Матеева разсказа о гибели прѣдателя трагедія не имѣла бы развязки и личность прѣдателя навсегда осталась бы для историка неразрѣшенною загадкою.

Впрочемъ евангелистъ сообщаетъ только уже самыи послѣдній актъ драмы, оставляя подъ завѣсою тотъ сложный психологический путь, какимъ въ нѣсколько часовъ прѣдатель перешелъ отъ „радуйся, Учителъ“ и „поцѣловалъ Его“ до „согрѣшиль я, прѣдавъ кровь невинную“ и „пошелъ и удавился“.

Что же случилось?

Пробужденіе прѣдателя отъ національного религіозно-политического кошмара и возвращеніе къ дѣйствительности здравой совѣсти и нравственного самосознанія.

Мы уже сказали, что „поцѣловалъ Его“ и „радуйся, Равви-Учитель“ были послѣднимъ пароксизмомъ сатанинскаго кошмаря, начавшагося въ Іудѣ со словъ: „я вамъ предамъ Еgo“. Любовно - укоризненный, полный глубокой скорби и состраданія къ трагической судьбѣ ученика голосъ Предаваемаго Учителя: „другъ, зачѣмъ пришелъ?“ что въ толкованіи евангелиста Луки означало, или же было прибавлено Самимъ Христомъ: „поцѣлуемъ ли (и привѣтствіемъ) предаешь Сына Человѣческаго“ долженъ былъ послужить къ пробужденію несчастнаго предателя отъ этихъ сатанинскихъ чаръ и, возвративъ къ сознанію утерянной дѣйствительности, раздался въ его совѣсти грозныи зовомъ къ самосуду. Страшное пробужденіе! Въ Іудѣ начался тотъ сложный и мучительный процессъ внутренняго наказанія за идейное преступленіе, что такъ неподражаемо изображенъ Достоевскимъ въ лицѣ Раскольникова.

Слова Господа Іудѣ ясно давали видѣть, что Онъ знаетъ намѣреніе предателя и значеніе его предательскихъ поцѣлуя и привѣтствія. И однакожъ продолжаетъ называть предателя „другомъ“ Своимъ, но не „ученикомъ“, ибо таковыми предатель пересталъ быть. Господь продолжаетъ любить своего врага-предателя какъ *Себя Самого*, какъ *другого Себя*, какъ *своего друга—έταρος*. Этотъ, исполненный истинно богочеловѣческой любви, отвѣтъ Господа на злодѣйскій поцѣлуй и коварное привѣтствіе измѣнника и предателя, подобно молніи, могъ мгновенно освѣтить въ потемнѣвшемъ сердцѣ зачарованного Іуды образъ Любвеобильнаго Учителя, завѣщающаго Своимъ ученикамъ не противостоять злу зломъ, но воздавать за зло добромъ,—любить ближняго какъ себя самого, любить даже враговъ своихъ, благотворить дѣлающимъ зло, благословлять проклинающихъ, молиться за убийцъ и прощать ихъ,—Кроткаго и Нѣжнаго Утѣшителя, Зовущаго къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.

И зная намѣреніе Іуды, Господь легко могъ бы уклониться отъ насилия, если бы восхотѣль, какъ это дѣлалъ Онъ нерѣдко прежде (Лк 4, 30 Ин. 7, 44; 8, 20. 59; 10, 39). Но Онъ, напротивъ, Самъ выходитъ къ Своимъ врагамъ и добровольно отдается въ ихъ руки, Своимъ величиемъ, по дополнительному сообщенію Иоанна, повергая ницъ предъ Собою много-

численную вооруженную толпу и властно повелѣвъя ей оставить Его учениковъ.

Болѣе того: по свидѣтельству всѣхъ евангелистовъ, на предложеніе иѣкоторыхъ учениковъ защищаться мечами (Лк) и на попытку Петра къ вооруженному сопротивленію, Господь прямо даетъ имъ знать, что они продолжаютъ еще оставаться въ непониманіи духа Христова (Лк 9, 55), повелѣвъ Петру вложить мечъ въ ножны, не сопротивляться насилию насилиемъ и злу злому. Напротивъ, исцѣленіемъ, пострадавшаго отъ антихристіанскаго поступка Петрова, слуги архиерейскаго (Лк) Господь даетъ самоличный пріимѣръ исполненія Своего ученія о воздаваніи врагамъ добромъ за зло. Сюда же должно присоединить, наконецъ, рѣчь Господа о двѣнадцати легіонахъ ангеловъ, о необходимости исполненія Писаній и питіи чаши, данной Сыну Отцомъ (Мѣ и Ин.).

Всѣ ли эти, отмѣчаемыя евангелистами, частныя обстоятельства взятія Господа имѣли надлежащее дѣйствіе на Іуду, мы конечно не можемъ знать. Несомнѣнно то, что предъ Іудою стоялъ не укрывающійся отъ враговъ лжеучитель или трусивый соблазнитель невѣждъ, богоотступникъ и лжемессія,—а убѣжденный герой долга и мученикъ призванія, добровольно отдающійся на судъ и страданія отъ Своихъ смертельныйхъ враговъ, какъ необходимая и Совѣтомъ Божественнымъ опредѣленная Жертва любви за спасеніе человѣчества, да сбудутся Писанія о чашѣ, данной Отцомъ Сыну.

И сосредоточіемъ этихъ писаній служитъ, съ поразительною яркостью начертанный у пророка Исаи въ 53-й главѣ, полный глубокаго трагизма и неотразимой силы образъ Праведника, невинно страждущаго за грѣхи людей.

Но со всею полнотою и дѣйствительностью этотъ образъ „Крови Невинной или Правой“ долженъ быть стать предъ взоромъ предателя только уже послѣ архиерейскаго и синедріонскаго, а можетъ быть и Пилатова, суда надъ преданнымъ Учителемъ.

Выразительное указаніе евангелиста (27, 3): „*тогда* Іуда, предавшій Его, *увидѣвъ*, что онъ осуждень“, какъ увидимъ, предполагаетъ, что Іуда былъ свидѣтелемъ синедріонскаго суда и что этотъ судъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ покаянномъ процессѣ предателя. Это обязываетъ насъ, хотя бы

кратко, коснуться какъ синедріонскаго суда надъ Христомъ со стороны его формально-юридической справедливости по отношенію ко Христу, такъ и личности самихъ судей.

Сравненіе описанаго евангелистами суда надъ Христомъ у архіереевъ Аниы и Каїафы и въ синедріонѣ съ требованіями древнеіудейскаго уголовнаго процесса, какъ онъ изложенъ въ специальному трактатѣ Мишны, Тосефты и обѣихъ Гемарѣ о Синедріонѣ, даетъ видѣть, что мы имѣемъ дѣло не съ правильнымъ и безпристрастнымъ судебнымъ процессомъ, а только съ лицемъ маскировкою уже ранѣе составленнаго убойнаго заговора, безъ законнаго разбирательства дѣла по существу. Уже съ давнихъ временъ въ наукѣ подробно раскрыта вся преступность этого суда, гдѣ въ однихъ лицахъ, притомъ мало цѣнившихъ начала правды и нравственности, соединились и судьи, и обвинители, и свидѣтели, и даже частію палачи. Все смыщалось въ одну наглую шайку разбойниковъ, жаждавшую крови оказавшагося въ ея рукахъ противника и только прикрывавшуюся своимъ официальнымъ полномочіемъ.

Уголовныя дѣла, особенно же касавшіяся религіи и влекшія смертную казнь, подлежали суду Великаго Синедріона. Онъ состоялъ изъ 71 члена, въ число коихъ входили: *архіереи*, т. е. члены первосвященническихъ родовъ и можетъ быть главы священническихъ чередъ,—*книжники*, т. е. ученые богословы, законовѣды и толковники писанія,—и *старшины* изъ народа, т. е. представители знатныхъ и видныхъ родовъ и колѣнъ. Архіереи служили представителями религіи, книжники—науки, старшины—народа. Синедріонъ имѣлъ *предсѣдателя*—*князя*, избиравшагося самими членами синедріона на одинъ годъ, обычно изъ архіереевъ, хотя не обязательно и не всегда; онъ являлся замѣстителемъ Моисея. У него было два помощника или вице-президенты: *судья* (собственно: „отецъ дома суда“) и *мудрецъ*. Кромѣ того въ составъ суда входили: *два секретаря* или *писца*, *два ликтора* или исполнители судебныхъ приговоровъ, въ родѣ нашихъ судебныхъ приставовъ, *обвинители* и *защитники*. На судѣ присутствовали также ученики іерусалимскихъ раввиновъ, изъ коихъ пополнялся составъ синедріонскихъ книжниковъ, въ родѣ нашихъ кандидатовъ на судебныя должности. Синедріонъ засѣдалъ въ особомъ помѣщеніи „газитъ“, находив-

шемся во внутреннемъ дворѣ, а по субботамъ и малымъ празднико мъ въ хелѣ или храмової синагогѣ, но за 40 лѣтъ до разрушенія Йерусалима, съ отнятіемъ у синедрона права смертной казни безъ особаго суда и утвержденія римскимъ начальникомъ, онъ перешелъ въ помѣщеніе, находившееся въ стѣнѣ между дворами женщинъ и язычниковъ „ханотѣ“—лавки и магазины. Засѣдавшия располагались полукругомъ, на подобіе половины гумна, подковобразно, чтобы судьи могли смѣло смотрѣть другъ другу въ глаза. Посреди полукружности возвѣдалъ князь, направо отъ него—судья, налево—мудрецъ. Всѣ судьи сидѣли на коврахъ, со скрещенными ногами. На правой и лѣвой сторонѣ полукружности, въ концахъ подковы, стояли два судебныхъ писца или секретари (назывались „стоящіе“), записывавшіе слова оправдывающихъ и обвиняющихъ свидѣтелей, собиравшіе голоса судей и объявлявшіе приговоръ. Тутъ же находились и ликторы, или исполнители приговоровъ (*πράγματες, ὑπόρεται*). Вокругъ судей сидѣли въ три ряда „ученики“, кандидаты на освобождавшіяся мѣста членовъ синедрона. Подсудимый стоялъ предъ предсѣдателемъ, обвинители—противъ него, а направо отъ него—защитникъ. Свидѣтели вводились и тоже стояли. Время для уголовнаго суда назначается день: днемъ уголовный судъ долженъ начинаться и днемъ же заканчиваться, въ отличіе отъ гражданскаго, который начинается днемъ, а заканчиваться можетъ и ночью. Судебный процессъ состоялъ въ тщательномъ разслѣданіи дѣла посредствомъ допроса свидѣтелей какъ за, такъ и противъ подсудимаго, причемъ раввинское право строго ограничиваетъ лицъ, не имѣющихъ права быть свидѣтелями: игроки предающіеся азартнымъ играмъ, ростовщики, явные зеконопреступники и грѣшники, занимающіеся боемъ голубей, торгующіе плодами субботняго года, обидчики и насильники (мытари) чужаго имущества, какъ и ихъ родственники восходящіе и нисходящіе по отцу и матери, и неправоспособные: слѣпые, глухонѣмые, безумные, рабы, женщины, малолѣтки. Въ отличіе отъ гражданскаго, уголовный процессъ начинался изслѣданіемъ того, что служило къ оправданію подсудимаго, а не къ обвиненію. Онъ состоялъ въ возможно тщательномъ допросѣ и возможно большаго числа свидѣтелей. Свидѣтельскія показанія подвергались самому строгому

и подробному изслѣдованію: чѣмъ больше вопросовъ задавали суды свидѣтелямъ, тѣмъ большей похвалы они заслуживали,—противорѣчивація одно другому или сами себѣ показанія считались не имѣющими силы (*свк ісаа Мк*). Для обвинительного приговора требовалось не менѣе двухъ, выдержавшихъ испытаніе на судѣ, свидѣтелей. Весь вообще уголовный процессъ направленъ къ устраниенію возможности осужденія невиннаго и къ исчерпанію всѣхъ возможныхъ средствъ къ оправданію. Каждый правомочный могъ заявить въ пользу подсудимаго, и судъ былъ обязанъ подвергнуть изслѣдованію заявленіе. Послѣ допроса свидѣтелей и подробнаго обсужденія дѣла судьями, причемъ, кроме защитника, каждый судья могъ говорить въ пользу подсудимаго,—секретарь или писецъ отбиралъ голоса,—составлялся и объявлялся приговоръ — обвинительный или оправдательный. Смертный приговоръ запрещается объявлять въ тотъ же день, также въ праздники и субботы, почему въ пятницу и въ канунъ праздника уголовный процессъ запрещался (Синедр. IV. 1). Но для идолослужителей и совратителей къ идолослуженію дѣлается исключеніе. По отношенію къ нимъ допускается даже свидѣтельская засада¹⁾. Общія сужденія раввиновъ о судѣ также отличаются болѣе гуманностью, напримѣръ: „суди каждого въ благопріятную сторону,—не дѣлай изъ себя стряпчаго,—когда тяжущіеся стоять предъ тобою, да будутъ они въ глазахъ твоихъ какъ неправые, а когда ушли отъ тебя, да будутъ они въ глазахъ твоихъ какъ правые, когда приняли на себя приговоръ,—побольше распрашивай свидѣтелей и будь остороженъ въ словахъ твоихъ, дабы изъ нихъ не научились они показывать ложное,—на трехъ предметахъ держится міръ: на истицѣ, на правосудії и на мирѣ“. (Авотъ 1, 6. 8. 18 Переф. 4, 480—481),—„не угождай лицу великаго, по правдѣ суди ближняго“ т. е. не говори: онъ—нищій... а это—богачъ, это—знатный человѣкъ, не стану его унижать, дабы не видѣть его посрамленія... не давай одному говорить, сколько ему нужно, въ то время какъ другому ты говоришь: „сокращай рѣчь свою,—не давай одному стоять, а другому сидѣть... суди каждого

1) Подробности о синедріонскомъ уголовномъ судѣ см. ниже въ особомъ приложеніи.

человѣка въ благопріятную сторону... не будь въ словахъ твоихъ къ одному мягокъ, а къ другому твердъ... если знаешь въ чью либо пользу свидѣтельство, ты не вправѣ замалчивать его (Сифра къ Лев. 19, 15—16 Переф. 4, 263—264 примѣч. Ugol. Thes. XIV, 1330—1341, отд. *кедошимъ* гл. 4),— „синедріонъ, казнящій разъ въ семь лѣтъ (седьмину), называется губителемъ (по р. Элеазару: разъ въ семьдесятъ лѣтъ),—р. Тарфонъ и р. Акиба говорять: если бы мы были въ синедріонѣ, то никто бы никогда не былъ казненъ, на что Раббанъ Симонъ возражаетъ: они бы этимъ размножили убійцъ въ Израилѣ“ (Маккотъ, 1, 10 Пер. 4, 332). Когда присуждали къ смерти, суды не вкушали пищи во весь день (Вавил. Синедр. 63 a Gold. 7, 267, 17 — 18 и Makkoth 14 b Gold. 7, 573. 5—7),—изъ четырехъ смертныхъ казней рекомендуется выбирать самую лучшую (Тос. къ Синедр. VII, 3 Переф. 4, 285 ср. Ketub. 37 b. Sota 8 b.). По свидѣтельству Флавія, фарисеи вообще были снисходительны на судѣ и въ присужденіи наказаній, чѣмъ саддукеїская партія архіереевъ (Древн. 13, 10. 6 ср. 14, 9. 3—4; 16, 1. 1 Niese vol. III p. 206 § 294,—р. 270—272 и IV. р. 4—5 Bell. II, 8, 14 Niese § 166 р. 186).

Приблизительно и въ общихъ чертахъ такого суда надъ Христомъ могъ ждать Іуда отъ того верховнаго судилища—синедріона и отъ тѣхъ его представителей—архіереевъ, куда и кому предавалъ онъ воображаемую „кровь виновную“ лже-messії-обольстителя Израиля. Такими представлялись несчастному предателю, какъ и всякому простецу, судъ и суды издали. То ли „увидѣлъ“ предатель вблизи и на дѣлѣ?

Присутствіе членовъ синедріона при самомъ взятіи Господа въ Геѳсиманской рощѣ даетъ видѣть, что архіереи рѣшили покончить съ Иисусомъ въ ту же ночь. Смертный приговоръ и убійство Христа были предрѣшены уже ранѣе, заочно, безъ суда (Ін 11, 53). Предстояло только оформить дѣло, хотя бы лицедѣйною пародіей суда. Поэтому судъ надъ Христомъ, вопреки обычая и требование раввинского права, производится ночью.

Сначала, по дорогѣ къ мѣсту суда въ домѣ Каїафы, бывшіе во главѣ слугъ и солдатъ синедріонали зашли со всею толпою и взятымъ Христомъ къ эксархіерею Аннѣ или Анану, тестю тогдашняго дѣйствительнаго архіерея Каїафы. Этотъ

Анна или Анааъ былъ самымъ въ то время влиятельнымъ членомъ синедріона. (Іос. С. Apion. 2, 23 Niese § 193—194 р. 81—82 усвояетъ архіерею наблюденіе за законами, судь и наказанія). Онъ стоялъ во главѣ господствовавшей въ синедріонѣ партіи саддуїскo-архіерейской. Его дворецъ находился гдѣ-либо недалеко отъ мѣста взятія Христа, на склонѣ Масличной горы или въ Іерусалимѣ, по дорогѣ къ храму. (ср., „домъ Ананія—Анана? архіерея“, Флав. Bell II, 17. 6 Niese р. 233 § 426). Вѣроятно онъ былъ душою и руководителемъ всего синедріонскаго заговора противъ Христа. Къ нему и былъ сначала приведенъ Христосъ, конечно не для суда, ибо дѣло было уже решено, а для удовлетворенія празднаго любопытства архіерейскаго (Ін. 18, 12—14). И дѣйствительно, вопросъ Анана Христу объ ученикахъ и объ ученинѣ былъ простымъ празднословіемъ старого архіерея, уже давно знавшаго это ученіе и предавшаго за него Христа смерти. Отвѣтъ Господа обличалъ именно это лицедѣйство старого политикана и опытнаго интригана: „Я явно (смѣло) говорилъ миру, Я всегда учили въ синагогѣ и въ храмѣ, гдѣ всѣ іудеи сходятся, и въ тайнѣ не говорилъ ничего, — что Меня спрашиваешь? спроси слышавшихъ, что Я говорилъ имъ: вотъ они знаютъ, что говорилъ Я“. Отвѣтъ былъ настолько дерзновененъ и укоризненъ или, вѣрнѣ, самый вопросъ архіерея былъ такъ явно безцѣленъ и притворенъ, что даже слуги поняли укоризненность отвѣта Христова, тѣмъ болѣе непрѣятную, что она была досадно справедлива. Одинъ изъ наиболѣе нахальныхъ и ревностныхъ рабовъ архіерея, послѣ этихъ словъ, ударилъ Господа по ланитѣ, сопровождая пощечину словами: „такъ отвѣчаешь архіерею?“ Каковъ господинъ, таковы и слуги. Халуи—лучшіе толмачи своихъ господъ и всегда лютѣ и рьянѣ самихъ господъ относятся къ ихъ величію. Поступокъ слуги—дерзкій и безсовѣстный. Но рабъ искренно отразилъ и наивно отмстилъ за неправый гнѣвъ своего барина на правую укоризну Господа (о дерзости, жестокости, и своеволіи слугъ архіерейской фамиліи Анана см. Іос. Флав. Древн. 20 9, 2) Отвѣтъ Господа на это издѣвательство вполнѣ достоинъ Невинной Крови за спасеніе міра: „Если худо сказалъ Я, засвидѣтельствуй о худѣ, если же хорошо, что Меня бѣшь?“ Характеръ этого отвѣта съ особенnoю ясностью выявляется сравненіемъ съ поведе-

ніемъ Ап. Павла въ подобномъ же случаѣ. Когда архіерей Ананія безъ всякаго повода приказалъ бить Апостола по рту, Апостолъ не утерпѣлъ, возгорѣлся естественно-человѣческимъ гнѣвомъ и сказалъ архіерею слово бранное: „бить тебя будетъ Богъ, стѣна подмалеванная! и ты съль судить меня по закону, а противозаконно велиши меня бить!“ (Дн. 23, 2—4). Напротивъ, слѣдя своему ученію о любви къ врагамъ и благословеніи оскорбителей, Господь кратко указуетъ неправду въ нанесенной Ему обидѣ и только вразумляетъ, хотя и укоризненно, но безъ оскорблений¹⁾.

Сцена у Анны была какъ бы прологомъ для всего дальнѣйшаго суда синедріонскаго. Гдѣ безъ суда уже обреченаго на смерть желаютъ посмотретьъ только ради празднаго и пошлого любопытства,— гдѣ притворно спрашиваются о томъ, что всеѣ уже давно знаютъ и что никогда не скрывалось,—гдѣ оскорбляютъ, прежде чѣмъ судять,—пошлое любопытство судей и гнусное издѣвателство челяди вмѣсто строгаго разслѣданія въ дѣлѣ съ смертною казнью: ясно, какого суда нужно ждать отъ такихъ судей. Послѣ отвѣта Господа на предательской поцѣлуї и измѣнническое привѣтствіе, сцена у Анны архіерея должна была стать для пробуждавшагося Іуды второю каплею Той Крови Невинной, чтѣ предадъ онъ.

Вѣроятно не пожелавшій беспокоиться ночью изъ-за предрѣшеннаго уже дѣла, Анна отослалъ связаннаго Христа къ дѣйствительному тогдашнему архіерею Каїафѣ (Ін. 18, 12—25). Какъ зять Анны, Каїафа принадлежалъ къ одной архіерейской шайкѣ. Это тотъ самый Каїафа, что рѣшилъ убійство Христа своимъ, глубоко безнравственнымъ съ точки зрѣнія личной человѣческой морали, но вполнѣ святымъ и необходимымъ въ дѣлѣ устроенія правды Божіей среди людей: „лучше, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, а не весь народъ погибъ“, на что евангелистъ дважды указуетъ выразительно (Ін. 11, 49 сл. и 18, 14).

¹⁾ Анна въ Новомъ Завѣтѣ упоминается рядомъ съ Каїафою, другими архіереями и членами синедріона, всегда на первомъ мѣстѣ, очевидно какъ предсѣдатель синедріона, или по крайней мѣрѣ, какъ самый влиятельный членъ его. Лк. 3, 2 Ип. 18, 13 (какъ тестъ Каїафы) Дн. 4, 6 и 5, 17 въ связи съ садукейскою ересью. *Архіерей*—во множ. числѣ см. Дн. 4, 6 Іос. Фл. Bell. II, 12, 6.—14, 8.—15, 2, 4.—IV. 3, 8.

Какъ дѣйствительный архіерей, Каїфа жилъ въ архіерейскомъ помѣщеніи, находившемся среди храмовыхъ построекъ, недалеко отъ мѣста синедріонскихъ засѣданій. (Неем. 18, 4 и Лк. 22, 66, вар *ἀγρύγαγον*) Здѣсь уже „книжники, старѣшины, всѣ архіереи и синедріонъ весь“, во главѣ съ Каїфою, (синедріонъ могли составить и собравшіеся члены въ манимальномъ числѣ двадцати трехъ), ожидали Узника для пародіи суда. Надо было торопиться, чтобы къ утру покончить судебный процессъ, рано утромъ произнести приговоръ, а днемъ покончить дѣло у Пилата и до солнечнаго захода предать Осужденного смертной казни въ первый великий день одного изъ трехъ великихъ праздниковъ (Мишна Синедр. XI, 4 Второз 17, 13). Такимъ образомъ и здѣсь мы имѣемъ нарушение предписаній о времени и мѣстѣ засѣданій синедріона. Вместо дня—ночь, вместо „ханота“ или синагоги храмовой или вообще узаконенаго мѣста засѣданій синедріона — частная квартира Каїфы.

Не было тутъ и порядка въ засѣданіі, какой предписывается закономъ. Частный домъ конечно не былъ приспособленъ для размѣщенія членовъ синдріона въ видѣ полу-гумна, съ предсѣдателемъ, двумя его помощниками, секретарями и пр. Не видимъ и присутствія учениковъ — кандидатовъ (Ап. Павелъ, какъ ученикъ знаменитаго Гамаліила, преуспѣвавшій болѣе сверстниковъ своихъ въ изученіи закона, навѣрно бы находился въ числѣ этихъ кандидатовъ, на что однакоже неходимъ у него нигдѣ указаній). Нѣть и защитника у Обвиняемаго. Все даетъ видѣть, что засѣданіе шло безъ формально узаконенаго порядка, просто какъ сходка синедріоналовъ не для суда, а для объявленія уже давно задуманнаго убийства намѣченной Жертвы.

Уголовныя дѣла, какъ мы знаемъ, наказуемыя смертью, въ отличіе отъ гражданскихъ, начинались разсмотрѣніемъ доводовъ въ пользу обвиняемаго, причемъ каждый могъ выступить въ защиту подсудимаго (Мишна Санг. IV, 1—2 и V, 4—5 Переф. 4, 266 сл. 276 сл. спр. Sanhedr. 40a и 32a). Во всемъ процессѣ мы не видимъ вызова такихъ свидѣтелей въ пользу Христа. Да ихъ и не могло быть, такъ какъ за признаніе Иисуса Мессіею и за свидѣтельство въ доказательство мес-сіанства Обвиняемаго, по ранѣе уже объявленному рѣшенію синедріона (Ін. 9, 22), грозила бы смерть. Начинаютъ, напро-

тивъ, тѣмъ, что ждутъ (лже) свидѣтельства (Мк свидѣтельства, но А и нѣк: лжесвидѣтельства, лжесвидѣтельствъ) и именно противъ Иисуса, чтобы имѣть предлогъ предать Его смерти (Мѳ. 26, 59 Мк 14, 15).

Архіерейскіе прислужники конечно были посвящены въ замыслы своихъ господъ и другъ передъ другомъ рвались выслужиться. Но ихъ рвеніе было не по разуму. Показанія давались хотя и многими, но нелѣпыя, явно лживыя и для утвержденія даже предрѣшенного приговора недостаточныя (Мѳ 26, 60 Мк 14, 56: *καὶ ἵσται αἱ μαρτυρίαι οὐδὲ ἡσύχη*). По уголовному кодексу за такія лжесвидѣтельства полагалась тоже смертная казнь. Но здѣсь они сходятся также безнаказанно, какъ и издѣвательства архіерейской челяди надъ Христомъ до суда—у Анны.

Выступаютъ наконецъ двое (Мк: нѣкоторые), слышавшіе слова Господа при изгнаніи Имъ торгашей и мѣнялъ изъ храма. Можетъ быть то были изъ самихъ изгнанныхъ, стоявшихъ въ торговыхъ связяхъ съ магазинами архіерейскаго дома Анны и его сыновей („хануот-бене-Ханан“ и „дома купцовъ“ вблизи ихъ) и жившихъ недалеко отъ храма и архіерейскихъ лавокъ. Они предъявили судьямъ слова Христа: „Сей сказалъ: могу разрушить храмъ Божій и чрезъ три дня его построить (Мѳ),—или Мк въ положительной формѣ: „Я разрушу храмъ сей рукотворный и чрезъ три дня другой нерукотворной построю, Д: возставлю“. (Ін 2, 13—19 Мѳ 21, 12—13 Мк 11, 15—17 Лк 18, 45). Но это свидѣтельство было лжесвидѣтельствомъ (Мк *οὐδὲ οὐτος ἦρι ἵση* ст. 59). Христосъ говорилъ, что храмъ сей (іерусалимскій) разрушать сами *ιudei* („вы разрушите, разрушьте“....). Да и не было вины смертной въ приводимомъ лжесвидѣтельствѣ. Въ формулы Марка совсѣмъ нѣтъ имени Божія, также у Мѳ нѣтъ богохульства, такъ какъ название храма *Божіимъ* не содержитъ ничего богохульнаго. А о разрушеніи храма рѣчь въ неясной и предположительной формѣ: могу.... Наконецъ и самый тогдашній Иродовъ храмъ, на коемъ побывалъ уже языческій орелъ,—безъ ковчега завѣта,—не могъ считаться такою святынею, чтобы неясныя о немъ выраженія принимались за хулу на Самого Бога.

Въ числѣ другихъ многихъ лжесвидѣтельствъ навѣрно приводилось также нарушеніе Господомъ фарисейскихъ за-

повѣдей о субботѣ и другихъ подобныхъ, за что фарисеи нерѣдко обвиняли Господа. Но эти свидѣтельства также были *оѣхъ ісаи*. Въ синедріонѣ тогда хояйничала архіерейская партія, державшаяся саддукейской секты. А саддукеи были ярыми врагами фарисеевъ. Все, имѣвшее какую либо связь съ фарисеизмомъ, навѣрно отвергнуто было бы синедріономъ уже просто потому, что напоминало саддукеямъ ненавистную имъ секту фарисеевъ (Дн. 23, 6 сл.). Притомъ фарисеи отличались строгою законностью, были снисходительны на судѣ и не сочувствовали смертнымъ казнямъ (Іос. Фл. см. далѣе). Весь судъ надъ Христомъ проявляется саддукеевъ.

На всѣ, безнаказанно предъявлявшіяся, лжесвидѣтельства, Господь отвѣчалъ *молчаніемъ* Невинной или Неизбѣжной Жертвы. Ложь свидѣтельствъ была ясна сама собою. Это было непріятно Каїафѣ и не входило въ его коварный планъ. „И вставъ (съ судейскаго, можетъ быть предсѣдательскаго мѣста) архіерей сказалъ Ему: (что же) ничего не отвѣчаешь на то, что сіи противъ Тебя свидѣтельствуютъ?“ (Мѳ Мк.). „Шипящій змѣй“, уже изощрившійся въ дипломатической казуистикѣ и разныхъ крюкодѣйствахъ при обѣlyваніи своихъ дѣлишекъ, вѣроятно разсчитывалъ на то, что Обвиняемый въ спорѣ съ обвинителями какъ нибудь выйдетъ изъ себя, забудется, проговорится и скажетъ на самомъ судѣ что нибудь такое, къ чему можно бы придраться для оформленія смертного приговора. Въ крайнемъ случаѣ можно было даже прибѣгнуть къ лжесвидѣтельству, приписать обвиняемому чего онъ не говорилъ, перетолковать и извратить его слова. Наконецъ, подъ предлогомъ обвиненія Христа въ соблазнительствѣ къ идолопоклонству, можно бы было воспользоваться позволеніемъ закона примѣнять подставныхъ свидѣтелей, кои, изъ холопства предъ архіереями, могли бы показать все, что угодно.

Но „Іисусъ молчаль (Мѳ) и не отвѣчалъ ничего“ (Мк), и этимъ разрушалъ всѣ коварные планы „Змѣи“.

По закону, на этомъ и долженъ былъ бы окончиться судъ. Противъ Обвиняемаго не оказалось ни одного достаточнаго свидѣтельства, даже явнаго лжесвидѣтельства. Писецъ или секретарь долженъ былъ бы отобрать голоса судей въ пользу Обвиняемаго, объявить Ему оправдательный приговоръ, и Обвиняемый немедленно освобождался отъ суда и ареста.

Но вѣдь смерть Невинной Жертвы была уже рѣшена. Во чтобы ни стало, надо было оформить смертный приговоръ. Тогда „шипящій змѣй“ нашелъ самое вѣрное и вмѣстѣ самое дьявольское средство заставить обвиняемаго говорить. Архіерей Каїфа обратился къ Обвиняемому съ такими словами: „Заклинаю Тебя (предъ) Богомъ Живымъ, чтобы Ты намъ сказалъ: Ты ли Христосъ (т. е. Помазанникъ—Мессія), Сынъ Бога (др. приб: Живаго)?“ Мк. Мк. также, но съ разночт.: „Сынъ Благословленнаго“. Лк: „Ты ли Христосъ, скажи намъ?“

Замѣчательно умолчаніе о заклинаніи Богомъ Живымъ у Мк. и Лк., гдѣ отвѣтъ Господа Каїфа дается безъ этого или подобнаго заклинанія. Такимъ образомъ по двумъ евангелистамъ Господь даетъ отвѣтъ, а слѣдовательно и даль бы всегда, и безъ заклинанія. Поэтому Матеево „заклинаю Тебя Богомъ Живымъ“ мы обязаны понимать не въ смыслѣ торжественной присяги, а въ смыслѣ только усиленной просьбы, божбы самого Каїфа, заклятія, въ родѣ нашего: „ради Господа Бога, скажи“. Такое пониманіе словъ Каїфы у Матея требуется и безусловнымъ запрещеніемъ, излагающимся у того же евангелиста Матея, Господомъ клятвы, какъ явленія, истекающаго не отъ Бога и добра, а отъ лукаго и зла (Мо 5, 33—37 ср Іак 5, 12). Притомъ Каїфа не могъ бы примѣнить къ богохульнику такое средство (клятва и присяга), которое не чтится самимъ богохульникомъ и только даетъ ему возможность злоупотребить въ свою пользу: хулигъ Бога безъ всякихъ смущеній поклянется Богомъ для оправданія себя.

Нѣть, „Змѣй“ разсчитывалъ совсѣмъ на другое. Опытнымъ взглядомъ матерого интригана и искусившагося политика онъ видѣть предъ собою человѣка безусловно честнаго, самоотверженного героя правды, добровольнаго мученика идей и убѣждений. А эти идеи и убѣжденія „шипящему змѣю“ уже давно извѣстны:—идеи правды, любви, самоотверженія. На эту-то честность и благородство Обвиняемаго и расчищанъ коварный планъ „шипящаго змѣя“, достойнаго исчадія древняго змѣя—искусителя. Каїфа знаетъ, что Обвиняемый не станетъ и не можетъ молчать на этотъ вопросъ, такъ какъ молчаніе въ данномъ случаѣ было бы равносильно отреченію отъ своего мессіанскаго призванія.

И дѣйствительно, Господь отвѣтилъ (ср. Ін 8, 55), незави-

сими отъ заклинанія по Марку и Лукѣ,—именно потому, что вопросъ касался существа его личности и дѣла, о чмъ Онъ не могъ молчать. „Говоритъ ему Иисусъ: ты сказалъ (обычная утвердительная форма отвѣта,—т. е. да, Я—Мессія Христосъ Сынъ Бога Живаго),—богъ говорю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго сидящимъ одесную Силы и грядущимъ на облакахъ неба“, Мк: да, Я (Мессія—Христосъ Сынъ Благословен-наго), и узрите Сына Человѣческаго одесную сидящимъ Силы и грядущимъ съ облаками неба“. У ев. Луки съ нѣкоторыми добавленіями и распространеніемъ: „сказалъ имъ: если вамъ скажу, не уверуете,—если же спрошу, не отвѣтите (др. приб: и не отпустите Меня),—отнынѣ же будетъ Сынъ Человѣческій сидящимъ одесную Силы Бога. Сказали же всѣ: итакъ, Ты—Сынъ Бога? Онъ же имъ сказалъ: вы говорите, что это—Я“.

Для „шипящей змѣи“ этого было довольно. Обвиняемый открылъ уста Свои, произнесъ нѣсколько словъ. Остальное сдѣлаетъ коварный „змѣй“, онъ вложитъ въ эти слова желанный смыслъ.

„Тогда архіерей разорвалъ одежды свои, говоря: Онъ богохульствовалъ,—что еще за надобность имѣть въ свидѣтеляхъ (Син. свидѣтельствахъ)? вотъ теперь слышали вы богохульство (др. приб: Его). Что вамъ кажется (думается)?“ Лука вообще о судьяхъ, такъ какъ Каїафа въ данномъ случаѣ является представителемъ и выразителемъ всего синедріона. „Они же сказали: какую еще имѣть въ свидѣтеляхъ надобность? Сами вотъ услыхали мы отъ устъ Его“.

Итакъ, нѣсколькихъ первыхъ же словъ Господа было довольно для того, чтобы немедленно же обвинить Говорившаго въ смертной винѣ—„богохульствѣ“—киддүфъ. Однакожъ, если смотрѣть на отвѣтъ Христа не по существу (т. е. не имѣть въ виду того значенія, какое соединялъ съ нимъ Самъ Господь и которое было недоступно пониманію судей, именно ипостасное сыновство Божіе), а только съ формально юридической точки зрѣнія самого синедріонскаго суда,—никакого богохульства въ немъ не было. „Богохульникъ, гласить законъ, отвѣчаетъ (подлежитъ обвиненію) лишь тогда, если полностью назоветъ Имя“. Хотя р. Меиръ распространяетъ эту заповѣдь на всѣ имена Божіи, но по общему мнѣнію мудрецовъ смертью наказуется только собственное имя, а за остальные имена дѣлается лишь предостереженіе (Синедр.

Мишна VII, 5 и Сифра къ Лев. 24, 15—16 Переф. 287 Ugol. Thes. XIV. 1515 и Вавил. Синедр. 60а Gold. 255 сл. Moed katan 26а Gold. 3, 763 сл. Флав. Antiq. IV. 8, 6 № 9, 3 и пар.). Въ словахъ Господь не было этого имени. Въ своемъ отвѣтѣ Господь только словами и образами известнаго мессианскаго видѣнія Даниила (7 гл.) высказалъ, что Онъ есть тотъ Мессия—Сынъ Человѣческій и Сынъ Божій или Сынъ Вышняго, что видѣлъ пророкъ Давілъ грядущимъ на облакахъ небесныхъ и кого предрекли пророки (ср. Псал. 2, 7; 109, 1 др), хотя Самъ Господь соединялъ съ этими именами, повторимъ, совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ синедріоналы.

Но Каїфа усмотрѣла богохульство въ томъ, что Господь ставить Себя подъ особое покровительство Бога и называетъ Себя обѣтованнымъ Мессіею, возсѣдающимъ за престоломъ Шехины и рядомъ съ Силою Бога, одесную Ея. (№ 26, 66 ср. Succa 52 а Gold. 3, 147, 1 — 8, гдѣ Пс. 2, 7 отнесено къ Мессіи).

Навыкшіе въ храмѣ къ богослужебнымъ церемоніямъ, архіереи были великіе мастера на всякаго рода помпы и эф-фекты предъ народомъ. И адѣсь, Каїфа занимается не столько тѣмъ, чтобы обосновать свое обвиненіе (это было для него лише и неважно), сколько предписанной церемоніей разрыванія одежды при богохульствѣ. Не бѣда, что самого богохульства не было. Оно должно быть. Важнѣе произвести впечатлѣніе на присутствующихъ своимъ якобы глубоко искреннимъ негодованіемъ за попраніе неприкосновенной святыни и импозантною помпою разрыванія одеждъ (Синедр. Мишн. VII, 5 Переф. 287—288¹⁾).

¹⁾ Ср. Горайотъ III, 8 Пер. 4, 518 сл. Sanh. 60 а Gold. 7, 256 Moed katon 26 а Gold. 3, 763—769. Разумѣется обычная одежда, а не священное облаченіе, въ которомъ совершали богослуженіе въ храмѣ, но не ходили въ храма,—тѣмъ менѣе великолѣпныя и драгоценныя первосвященническія ризы, въ коихъ первосвященникъ совершалъ богослуженіе въ три великіе праздника и въ день очищенія и кои тогда, съ 6 по 36 г. по Р. Х., хранились Римлянами въ башнѣ Антоніп и выдавалась на праздники только за семь дней (Ios. Antiq. XVIII, 4, 3 и XV, 11, 4 N. IV р. 156 сл. и III р. 406 сл.). Запрещеніе первосвященнику разрывать одежды относится только къ обычному трауру по покойникамъ (Лев. 10, 6 и 21, 10). Напротивъ см. 1 Макк. 2, 14 и 11, 71 Ios. Фл. Bell. II, 15, 4 N. § 322 р. 215. Примѣры разрыванія одеждъ вообще въ Библіи см. Быт. 37, 34 ср Числ. 14, 6 Йов 1, 20; 2 Цар 13, 19; 4 Цар 18, 37 и 19, 1 Иса. 37, 1 Ди

На лицедѣйный вопросъ предсѣдателя послѣдовалъ притворный отвѣтъ судей: „повиненъ смерти“ Мѳ. но Мк: „всѣ присудили, что онъ повиненъ смерти“ (*raschah lamuth* Числ 35, 31 ср. *isch movethi* 1 (3) Цар. 2, 26). У Лк совсѣмъ даже нѣть этого приговора, но безъ всякаго формального приговора, какъ уже ранѣе приговореннаго къ смерти, судьи повели Христа къ Пилату, чтобы привести въ исполненіе смертную казнь надъ Нимъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ смертный приговоръ послѣдовалъ безъ формального отборанія голосовъ отъ судей, только общимъ и безъимяннымъ голосованіемъ.

Однакожъ предъ народомъ этотъ приговоръ нельзя было оформить до утра, ибо ночью запрещались не только приговоръ, но и самыи судъ. Между тѣмъ до утра оставалось еще нѣсколько времени.

И этотъ промежутокъ „шипящій змѣй“ съумѣль использовать въ своихъ интересахъ. Опытному политику было хорошо извѣстно дѣйствіе издѣвательствъ и крови на грубою толпу своихъ приспѣшниковъ. Лизнувшая крови чернь звѣрѣть до изступленія. А это озвѣрѣніе толпы Каїафъ нужно было для впечатлѣнія на Пилата и давленія на слабовольную совѣсть скептика-римлянина. „Тогда плевали въ лицѣ Его, и заушали Его, и давали пощечины (пощечина, заушеніе и ударъ по лицу какъ знакъ позора см. Соф. 2, 8. Иса. 43, 28; 51, 7. Іезек. 5, 15 соотв. евр. *гаддуф* и *гадуфа*), говоря: прореки намъ, Христосъ (Мессія), кто ударилъ Тебя?“ Мѳ. „И начали нѣкоторые плевать на Него и закрывать Его лицѣ и заушать Его и говорить Ему: прореки. И слуги пощечины Ему наносили“ Мк. У Лк: „И люди, державшиЕ Его, ругались надъ Нимъ и били (др. „по лицу“) и, покрывая Его (др. „лице“), спрашивали, говоря: прореки, кто ударилъ Тебя? И другое многое хульно говорили на Него“—также до утрен-

14. 14. Церемонія разрыванія одѣждъ, по описанію Маймонида, была такая: „разрываніе дѣлается стоя,—длинна разрыва—ладонь, не разрывается пеподня одѣжда (хитонъ—рубашка) и верхній плащъ, а остальныя—всѣ, хотя бы ихъ было десять“ (у *Vixtorius'a Lexicon Chaldaicum, Talmudicum et Rabbinicum*, col. 2146). Что впѣ богослуженія и храма архіереи носили общесвѣрѣйскія одѣжды, обѣ этомъ свидѣтельствуютъ: Де 23, 5—Ап. Павель не могъ отличить архіерея отъ другихъ епісѣдристовъ, — и *Ios. Antq. XVIII*, 4, 3 N. § 91: выходя въ городъ, надѣвали *την ἰδιωτικήν*.

няго засѣданія синедріона, въ домѣ Каїафы. Примѣръ и начало звѣрства и поруганій подали навѣрно сами архіереи (Ср. Деян. 21, 31 и 23, 2).

Наконецъ лишь только настало утро (время утренней жертвы, около 6 часовъ, по нашему), синедристы поторопились (*εὐθύς* Мк) оформить приговоръ для объявленія народу, для чего собрались уже не въ домѣ Каїафы, а въ назначенномъ мѣстѣ, вѣроятно въ храмовой синагогѣ, по случаю праздника. Надо было спѣшить покончить дѣло до полудня, т. е. до праздничной жертвы (хагиги), въ которой должны были участвовать архіереи. Но по Мт. и Мк. тутъ уже не занимались судомъ, а лишь совѣщались (Мѳ) о томъ, чтобы умертвить Иисуса,—о средствахъ воздѣйствія на Пилата, чтобы добиться исполненія смертнаго приговора, на что культурные римляне были вообще мало склонны. „Когда же утро настало, совѣтъ составили всѣ архіереи и старшины народа на Иисуса, чтобы умертвить Его. И связавъ Его отвели и предали (др. приб: Понтію) Пилату правителю“. Мк: „и *тотчасъ* (т. е. спѣшно) утромъ (рано), совѣщаніе устроивъ, архіереи со старшинами и книжниками и *весь синедріонъ*, связавъ Иисуса, отвели и предали Пилату“; Лк: „и какъ насталъ день, собрались старшины (букв: собралось старчество) народа, архіереи и книжники, и отвели Его въ синедріонъ свой (22, 66)... и вставъ все множество (собраніе синедріона со слугами) ихъ повели Его къ Пилату“ (23, 1). Ін: „Ведуть Иисуса отъ Каїафы въ преторій, а было утро“ (18, 37).

И это совѣщаніе, какъ и приговоръ, было вопреки требованію закона: „не объявлять смертнаго приговора въ тотъ же день (т. е. въ день суда и осужденія), но ожидать слѣдующаго дня“ (Синедр. IV, 1). Въ теченіи этого срока могли быть предъявляемы самими обвиненными, судьями и другими лицами свидѣтельства и доказательства оправдательныя. Но синедріону, какъ видимъ, было не до закона. Вліятельная партія архіереевъ-саддукеевъ не отличалась гуманностью и не церемонилась съ правомъ, какъ книжники и законники изъ фарисеевъ. Къ полудню во чтобы то ни стало надо было добиться у Пилата утвержденія приговора и исполненія казни до солнечнаго захода. Лжеучитель, лжепророкъ, лжемессія долженъ быть казненъ въ праздникъ, дабы весь народъ услышалъ и убоялся и впредь не поступалъ дерзко (Синедр.

XI, 4). Поэтому немедленно по наступлении утра синедріонъ представилъ присужденаго къ смерти Господа римскому правителю Пилату для утверждения и исполненія приговора.

Такъ окончился синедріонскій и архіерейскій судъ надъ Христомъ.

Отъ людей, державшихъ въ своихъ рукахъ тѣла и души народа, распоряжавшихъ спасеніемъ и погибелю людей, владѣвшихъ ключами царства Божія и по своей волѣ раздававшихъ гнѣвъ или благоволеніе отъ Бога сыномъ Израїля,—Іуда конечно въ правѣ быть ожидать всесторонняго и безпристрастного изслѣдованія дѣла, чтобы не оставалось сомнѣній въ лжемессіанствѣ Христа и въ правотѣ судей. И что же? Даже и намека нѣтъ на требуемое закономъ „изслѣдованіе“. Все сводится лишь къ подысканію и составленію, хотя бы даже на лжесвидѣтельствахъ основанаго, смертнаго приговора преданному Учителю. И за отсутствиемъ такихъ лжесвидѣтельствъ прибѣгаютъ къ беззаконному и бесчестному самосвидѣтельству суды или судей—о богохульствѣ, достойномъ смерти. И, навѣрно, Христа тутъ же бы умертили чрезъ побіеніе камнями, какъ Стефана и Іакова праведнаго брата Господня, если бы въ Антоніевой башнѣ не присутствовалъ съ римскими войсками Пилатъ, ревниво оберегавшій права завоевателей римлянъ въ покоренной провинціи. Вопросъ о Мессіи совсѣмъ и не занимаетъ судей,—на судѣ у Пилата выяснилось потомъ, что они и вовсе не вѣрятъ въ Мессію, а въ Кесаря,—имъ нѣтъ дѣла до того, правъ или неправъ Обвиняемый,—имъ нужна только кровь Его—правая и невинная, все равно,—кровь, какъ политическое средство интригановъ-нигилистовъ предотвратить или усмирить народное волненіе и сохранить свои преимущества. „Развѣ не понимаете, что полезно вамъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за народъ, а не вся нація погибнетъ“ (Ін. 11, 50). Этотъ глубоко безиравгственный мотивъ руководить Каїфою и въ синедріонскомъ судѣ надъ Христомъ. „Шипящій змѣй“ безсовѣстно послѣдователенъ и нагло вѣренъ себѣ...

Насколько беззаконенъ былъ описанный евангелистами синедріонскій судъ надъ Христомъ, со всею наглядностью доказывается самими іудейскими свидѣтельствами объ этомъ судѣ. Въ Вавил. Синедр. 43а Goldschm. 181, lin. 1—8, къ словамъ Мишны VI, 1: глашатай, идя впереди (ведомаго на

казнь), взыываетъ и пр. въ примѣръ приводится такое сообщеніе: „Въ канунъ пасхи повѣсили Іисуса (вар. приб: Назарянина). Сорокъ дней предъ этимъ глашатай взыывалъ: Онъ будетъ выведенъ для побѣнія камнями, ибо онъ занимался волшебствомъ и прельстиль Израиля и сдѣлалъ его богоотступникомъ. Кто имѣеть что сказать въ его защиту, пусть придетъ и скажетъ. Но ничего не было представлено въ его защиту, и потому его повѣсили въ канунъ пасхи. Ула возражалъ: думаешь ли, что вообще слѣдовало искать для него защиты, если онъ былъ соблазнителемъ, о каковомъ Всемилостивый изрекъ (Второз. 13, 8 сл.): не щади его и не прикрывай его. Но по отношенію къ Іисусу (др. приб: Назарянину) было иначе, такъ какъ онъ близокъ къ царству быль“ (т. е. происходилъ изъ царского рода Давида) ¹⁾.

Да. Такъ должно бы быть по закону и практикѣ правовой. Но было не такъ, а какъ изложено нами на основаніи евангельскихъ сообщеній ²⁾.

1) Въ Sota 47a Іисусъ называется ученикомъ Іегошуа бен-Перахіи жившаго ок. 100 л. до Р. Х. Но прибавлея (къ Синедр. 43. а); въ вариантахъ гаконури и слѣдующее за тѣмъ сообщеніе объ ученикахъ Его, между коими стоять имена Маеай—Матеей и Фода—Фаддей, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь здѣсь объ Іисусѣ Христѣ. А если въ Sota и др. мѣстахъ Онъ называется ученикомъ Іегошуа—бен-Перахіи, то это обычныя въ талмудѣ шутаница и смѣщеніе имёнъ, мѣстъ и эпохъ.

2) Ср. нѣсколько сходный по наглой беззаконности судъ синедріона надъ Захаріею, сыномъ Вариса, описанный у Флавія Bell. IV, 5, 4 N. р. 390—392, когда зилоты οἱ ἡδὶ διαιμησηκότες τὸ φονεῖν ἀνέδην ἀφωνεύοντο δικαστὴρια καὶ κρίβεις... συγκαλοῦσι ἐρδομήκοντα εἰς τὸ ἱερὸν, περιθέντες δ' αὐτοὺς ὥσπερ ἐπὶ σκηνῆς σχῆμα δικαστῶν ἑρημον ἐξουσίας τοῦ Ζαχαρίου κατηγόρουν... ἦν δὲ οὕτε ἐλεγχός τις τὸν κατηγορούμενον οὗτε τεκμήριον, ἀλλ᾽ αὐτοὶ πεπεῖσθαι καλῶς ἔφασαν καὶ τοῦτον εἶπον τῆς ἀληφείας ησίον... На отвѣтную, точнѣе обвинительную, рѣчь Захарія Зилоты стали шумѣть и едва удерживались отъ того, чтобы взять мечи, но предпочли довести до конца свои насмѣшки надъ судомъ... Но когда всѣ семидесять судей единогласно постановили оправдательный приговор Захарію и предпочли лучше умереть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ взять на себя вину его смерти, тогда поднялся крикъ Зилотовъ противъ отпущенія Захарія и всѣ они негодовали на судей за то, что тѣ не попимаютъ, что имъ дана власть только въ насмѣшку, и двое наиболѣе наглыхъ, бросившись на Захарію посрединѣ храма, умерщвляютъ его и, когда онъ упалъ, сопровождаются убийство такимъ издѣвателствомъ: „вотъ тебѣ и нашъ приговоръ и полнѣшее оправданіе“. Возбудило Зилотовъ противъ Захарію τὸ μαρτυρηθεῖν καὶ φτιελεύθερον, — возможно, что онъ былъ даже христіаниномъ

Но, быть можетъ, это вопіющее беззаконіе и наглое попраніе всего божескаго и человѣческаго права явилось слѣдствіемъ политическаго фанатизма, религіознаго изувѣрства, слѣпой ревности національной и под.? Быть можетъ въ основѣ этой огульной безсовѣстности лежало что нибудь идеиное, высокое, хотя бы и ложное?!

Отвѣтъ дасть историческая справка о тогдашихъ заправилахъ національно-религіозною жизнію іудейскаго народа, главенствовавшихъ и въ синедріонѣ.

Это была партія вліятельнѣйшаго архіерейскаго рода Аны или Анана, принадлежавшая къ саддукейской сектѣ. Въ этомъ—разгадка беззаконнаго суда надъ Христомъ.

Въ отличіе отъ мистико-созерцательной, высоконравственной и уединенной секты ессеевъ, не принимавшей прямаго и дѣятельнаго участія въ политическихъ движеніяхъ,—двѣ другія секты—саддукейская и фарисейская боролись между собою изъ-за политическаго вліянія на народъ. Во всѣхъ отношеніяхъ это были двѣ противоположности. Фарисейская партія была народною и по своимъ задачамъ и по происхожденію своихъ сочленовъ; саддукейская партія, напротивъ, замыкалась въ небольшомъ кружкѣ старѣйшихъ, вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ родовъ архіерейской аристократіи. По направленію фарисеи были прогрессистами и новаторами многихъ воззрѣній и установлений, саддукеи—строгими кон-

и о немъ быть можетъ упоминается у Мт. 23, 35. Въ общемъ это судбище напоминаетъ синедріонскій судъ надъ Христомъ, только съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что роль архіереевъ и ихъ челяди здѣсь играютъ противники архіереевъ — Зилоты, выродки изъ фарисеизма, тогда какъ на самомъ судѣ навѣрно преобладали фарисеи. Своимъ прежнимъ продолжительнымъ своеоліемъ, неуваженіемъ къ правосудію и насилиничествомъ архіерей-саддукеи очевидно пріучили народъ къ этому „безстыдству убийствъ и осмѣянію судилицъ и судовъ,—къ поздѣвателству до самаго конца надъ тѣмъ, что имѣло только видъ и посмѣшище судилица, которому власть давалась только въ насмѣшку“. За это презрѣніе къ правосудію и своеоліе съ Закономъ со стороны тогдашняго архіерейства жесточайшую расплату пришлося потерпѣть панборгѣ яркому и типичному представителю Ананова архіерейскаго рода — Анану младшему, между многими другими насилиничествами и неправдами беззаконно умертвившему Іакова праведнаго, брата Господня (Antiq. XX, 9, 1—2 Евс. Н. Е. II, 23, 1—18 ed. Hein. p. 88 сл.). Ананъ палъ отъ руки зилотскихъ союзниковъ — Идумеянъ Веї. IV, 5, 2 N. ib. 388 — 389). Такъ неправда лжетъ себѣ и сама роетъ себѣ могилу.

серваторами во всемъ, особенно въ религіи и культи. Между тѣмъ какъ фарисеи старались освободить религіозную совѣсть народа отъ привязанности къ храму и замѣнить это наукой и школою (синагогою),—саддукеи были всецѣло привязаны къ храму, жили богослужебнымъ обрядомъ и всѣмъ своимъ значенiemъ были обязаны храмовому культу. По своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ фарисеи были идеалистами и отчасти утопистами: вѣруя въ промыслъ, бессмертіе души, загробное воздаяніе и судъ, въ ангеловъ,—они пламенно ожидали избавленія Израиля отъ иноzemцевъ обѣтованнымъ Царемъ—Мессіею, мечтали о политическомъ господствѣ надъ всѣми народами, вели воздержную жизнь, были строгими правовѣдами, старались построить всю жизнь еврея на законѣ Моисеевомъ и правилахъ или преданіяхъ отцовъ—раввиновъ. Напротивъ, саддукеи были отъявленными материалистами: не вѣрили въ будущую жизнь, бессмертіе души, загробное воздаяніе, ангеловъ и Мессію. Полная неприкоснovenность многочисленныхъ и разнообразныхъ привилегій была ихъ девизомъ. Доходы съ богатыхъ владѣній и лавокъ, халтура отъ храма и богослуженія служили у нихъ могущественнѣйшимъ средствомъ вліянія какъ на народъ, такъ и на его политическихъ владыкъ—римлянъ. Поэтому они, вопреки снисходительности и закономѣрности фарисеевъ, были до безпощадности жестоки ко всему, что такъ или иначе могло грозить нарушеніемъ ихъ стаинныхъ привилегій и уменьшениемъ ихъ установившагося авторитета среди черни. Это были узкие эгоисты, грубые материалисты безъ всякаго идеализма,—люди безъ убѣжденій, надеждъ, вѣры и любви,—тупые и жестокіе въ отстаиваніи такъ выгоднаго имъ *status quo* во всемъ—въ жизни, ученіи, религіи. Мамона—ихъ богъ, политическое интриганство—ихъ дѣятельность, плотоугодіе—ихъ идеалъ¹⁾.

¹⁾ Ср. о сектахъ вообще у Іосифа Флавія *Antiq.* XIII, 5, 9 и 10, 5 — 6 XIV, 9, 3—4 XVI, 1, 1 XVIII, 1, 2—6 XIX, 7, 4 *Vita* 2 Bell. II, 8, 2—14. Въ частности о фарисеяхъ: *Ant.* XIII, 15, 5,—16, 1 — 2 XV, 1, 1,—10, 4, XVII, 2, 4 Bell 1, 5, 2,—29, 2 II, 17, 3, — саддукеяхъ: *Ant.* XX, 9, 1 Bell. IV, 5, 4,—ессеяхъ: XIII, 11, 2, XV, 10, 4 XVII, 13, 3 Bell. II, 20, 4. III, 2, 1, V, 4, 2 (у Филона особая сочиненія—объ ессеяхъ *Quod omnis probus liber sit* и *верапевтахъ De vita contemplativa*). Въ Новомъ Завѣтѣ Мт 22, 15 сл. 23 сл. и 34 сл. Де 5, 34,—23, 6 сл., вмѣстѣ съ архіереями и начальникомъ

Къ такой партии, по жизни, характеру и возврѣніямъ принадлежали тогдашніе вліятельнѣйшии члены синедрона, судившаго Христа, въ частности оба архіерея: экс-архіерей Анна и дѣйствительный архіерей, его зять, Каїфа.

Архіерейство того времени находилось въ полновластномъ распоряженіи римскихъ намѣстниковъ Сиріи. Первую роль тутъ играли деньги и политическая интриги. Смѣстивъ Іоазара, подъ предлогомъ, что онъ не поладилъ съ народомъ, римскій намѣстникъ Квириній назначилъ на его мѣсто Анана или, какъ въ евангеліяхъ, Анну сына Сеѳа (Іос. Древн. XVIII, 2, 1). Продолжительное сравнительно (11 лѣтъ) архіерейство Анана въ такое смутное время, при четырехъ быстро смѣнявшихся римскихъ намѣстникахъ, уже даетъ вамъ видѣть въ немъ незауряднаго дѣльца и ловкаго политика. Іосифъ Флавій называетъ его „счастливѣйшимъ“, ибо у него было пять сыновей, которые всѣ стали архіереями послѣ того, какъ онъ самъ очень продолжительное время занималъ это почетное мѣсто,—каковое счастіе не выпадало на долю ни одного первосвященника“ (ХХ. 9, 1). Только съ перемѣною императора Ананъ былъ смѣщенъ новымъ намѣстникомъ Сергиемъ Валеріемъ Гратомъ, очевидно по политической только традиції—для новаго кесаря назначать новыхъ слугъ. Но съ отставкой Ананъ не потерялъ своего вліянія, такъ какъ его преемникъ Измаилъ, сынъ Фаби, пробылъ архіеремъ очень недолгое время и на его мѣсто тѣмъ же Гратомъ былъ назначенъ сынъ Анана Елеазарь, проархіерействовавший одинъ только годъ (ок. 16 г. до Р.), вѣроятно по своей неспособности. Но и его преемникъ Симонъ сынъ Камина продержался тоже одинъ только годъ и былъ смѣщенъ, очевидно по интригамъ того же Анана, его зятемъ Каїфою (XVIII, 2, 2), при коемъ на мѣсто Валерія Гата прокураторомъ Сиріи былъ назначенъ Понтій Пилатъ (ср. Евс. Ц. И. 1, 10). Вѣроятно въ угоду народу, не любившему Каїфу, Вителлій смѣстилъ его, во на его мѣсто всетаки назначилъ (ок. 36 по Р.) втораго сына Ананова Іонаѳа (XVIII. 4, 3), по-

храма, но безъ фарисеевъ Ди 4, 1 и 5, 17. Вѣроятно садукенѣ были солидарны съ Продіанами (Мѳ 22, 16 Мк 3, 6 и 12, 13), приверженцами Прода, врага фарисеевъ. Есть указанія и въ древне-еврейскихъ памятникахъ (см. въ отдельномъ приложеніи).

томъ умерщвленнаго Феликсомъ при посредствѣ наемныхъ убійцъ—сикаріевъ (разбойниковъ и хулигановъ, прикрывавшихся патріотизмомъ) зато, что онъ препятствовалъ его политикѣ (ХХ. 8, 5). Чрезъ годъ онъ лишилъ его архіерейства и на его мѣсто поставилъ опять-таки его брата, третьяго сына Ананова (ок. 37 г. по Р.), Феофила (XVIII. 6, 3). Но Агриппа II смѣстилъ Феофила и передалъ архіерейство въ другой родъ—Симону или Канеерѣ сыну Бозта (XIX. 5, 2), котораго впрочемъ скоро низложилъ и хотѣлъ опять восстановить Іонаѳа. Такъ какъ Іонаѳ отказался, то Агриппа, по его совѣту, поставилъ (42—43 г.) его брата, четвертаго сына Ананова, Матею (XIX. 6, 4), также смѣщенаго тѣмъ же Агриппою и замѣщеннаго сыномъ, прежде имъ же низложеннаго, Канееры Элюнеемъ (XIX. 8, 1). Но самую видную личность этого рода представляеть пятый сынъ Анана, то же Ананъ Младшій, въ отличие отъ отца, Анана Старшаго, назначенный архіереемъ на мѣсто Іосифа (съ 63 г.). По изображенію Іосифа Флавія, онъ имѣлъ крутой и жестокій характеръ, принадлежалъ къ саддукейской партіи, отличавшейся на судахъ особенною жестокостью. Воспользовавшись между-властіемъ послѣ смерти Феста и до прибытія Альбина, онъ собралъ, не имѣя на то права, синедріонъ и осудилъ на побіеніе камнями Іакова, брата Іисуса Христа (унаслѣдованная отъ отца родовая вражда ко Христу?), и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, обвинивъ ихъ въ нарушеніи законовъ, хотя усерднѣйшіе и лучшіе законовѣды, бывшіе тогда въ Йерусалимѣ (изъ фарисейской секты), отнеслись къ этому приговору непріязненно и обвинили его предъ Альбиномъ въ противозаконности. Альбинъ согласился съ ними и написалъ Анану гнѣвное письмо съ угрозою наказать его. Въ виду этого Агриппа смѣстилъ его послѣ трехмѣсячнаго архіерейства и замѣнилъ Іисусомъ Сыномъ Дамнея (ХХ, 9, 1). Несмотря на то, вліяніе его росло со дня на день. Дѣло въ томъ, что онъ давалъ въ ростъ деньги и постоянно умѣлъ склонять подарками Альбина и архіерея Іисуса. При этомъ у него были крайне испорченные слуги, кои въ обществѣ подонковъ народа (хулигановъ) отправлялись на гумна и тамъ насильно овладѣвали назначавшеюся для простыхъ священнослужителей (священниковъ и левитовъ) десятиною. А въ случаѣ сопротивленія прибѣгали къ насилию. Такъ какъ ни-

кто не могъ препятствовать этому, то и другіе архіереи дѣлали то же, что и слуги Анана. Тогда, по сообщенію Іосифа Флавія, многимъ священникамъ, для коихъ десятина представляла единственный источникъ существованія, пришлось умереть съ голода (XX. 9, 2). Благодаря своему богатству, Ананъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, такъ какъ помошью денегъ умѣлъ склонять нужныхъ людей на свою сторону (ib. 6 § 4). Затѣмъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ подавленіи зилотовъ и держитъ сторону римлянъ (Bell. II. 20, 3,—22, 1—2). Во время войны съ римлянами Ананъ, хотя и расположенный къ Іосифу Флавію, соглашается на интригу противъ него, благодаря подкупу (Vita, сар. 38—44 особ. 39). Когда появились зилоты и хотѣли вырвать архіерейство у привеллигированныхъ родовъ, наслѣдственность замѣнивъ жребиемъ, Ананъ вооружилъ противъ нихъ народъ (Bell. IV. 3, 7 ср. 9—12). Съ своей стороны зилоты подозрѣвали Анана, какъ сторонника римлянъ, въ намѣреніи предать имъ городъ (IV. 4, 1). Послѣ продолжительной борьбы съ зилотами (ib. 13—14) Ананъ былъ наконецъ побѣженъ и умерщвленъ идумеянами, коихъ зилоты призвали къ себѣ на помощь. При сообщеніи о кончинѣ Анана Іосифъ хотя и восхваляетъ его благоразуміе, настойчивость (IV. 9, 3) и самоотверженіе (IV. 5, 2), но въ Древностяхъ (XX. 9), какъ мы знаемъ, онъ говоритъ совсѣмъ иное—о его жестокости, интриганствѣ, подкупности и, въ Автобіографіи, коварствѣ противъ самого Іосифа изъ-за подкупа. Не надо забывать, что Ананъ вмѣстѣ съ Іосифомъ были сторонниками римлянъ (ср. Bell. IV. 5, 2) и оба—изъ архіерейскихъ привилегированныхъ фамилій. Поэтому въ изображеніи дурныхъ сторонъ Анана Іосифъ долженъ считаться болѣе правдивымъ, чѣмъ въ изображеніи хорошихъ.

Но дерево узнается и по его плодамъ. Въ Ананѣ младшемъ есть всѣ основавія видѣть наслѣдныя черты его отца Анана старшаго, коего вліяніе особенно сильно было въ продолжительное сравнительно архіерейство его зятя Каїафы. Для характеристики этого архіерейского рода можно указать еще на талмудическое сообщеніе о „лавкахъ сыновей Анана или Ханона“ („хануйот бене Ханан или Ханон“) въ изреченіи: „почему разрушены лавки (магазины — хануйот) сыновъ Анана (Ханона) за три года до (разрушенія) Йеруса-

лима (земли израильской)?—Потому [что слова (дѣла) свои (интересы) они ставили выше словъ (дѣлъ) Закона], т. е. посредствомъ особыхъ толкованій Второз. 14, 22—23 они освобождали свои владѣнія отъ уплаты десятинного налога. Такъ Іерус. Рea 1, 6 и Sifre къ Второз. 14, 22—23 у Ugolini Thes. XV. 1163 кон. 1165 нач. ср. Schwab, Talm. de Jérus. 2, 28 и Derenb. Essai p. 468, Levy, Nenhebr. u. Chald. Wtb. 2, 80. b. Но Вавил. Baba mezia 88a кон. Gold. 792, 12—13: „хануйот шел-бет Хино (Хини)—лавки дома призрѣнія, можетъ быть Виенанія (Gold),—и отвѣтъ можетъ имѣть такой смыслъ: „потому что они слова (дѣла) свои ставили въ согласіе съ словами закона“, именно точно основываясь на Второз. 14, 22—23, на словъ „ши“. (Gold). Не эти ли хануйоты разумѣются, когда говорится о перенесеніи синедріона изъ газита въ хануйоты, оттуда въ Іерусалимъ и пр. Schabb. 15a Ab. Zara 8b Rosch hasch. 31a. Іосифъ Флавій въ Bell. V. 12, 2 Niese § 506 упоминаетъ еще τὸ Ἀνάρον τοῦ ἀρχιερέως μημεῖον—памятникъ архіерея Анана, какой нибудь богатый мавзолей, мертвый и кичливый свидѣтель корыстолюбія и мамонослуженія архіерея Анана. (Ср. Antiq. XX, 10 N IV, 313—318). Характерна наконецъ жалоба на архіереевъ, ихъ родню и слугъ въ Resachim 57a Gold. 2, 524, 23—525, 4: „Есть такое преданіе: Авва Шауль говорилъ: въ Йерихонѣ находились сикоморовые деревья и сильные люди заставили доставить ихъ имъ,—тогда владѣльцы посвятили ихъ Небу (Богу). О подобныхъ людяхъ говорилъ Авва Шауль бен—Ботниѣ отъ имени Аввы Іосифа бен—Ханина: горе мнѣ отъ фамиліи Бозеоса, горе мнѣ отъ кулака ихъ,—горе мнѣ отъ фамиліи Ханина (Анана), горе мнѣ отъ (змѣинаго) шипѣнія ихъ,—горе мнѣ отъ фамиліи Каероса, горе мнѣ отъ трости (чера) ихъ,—горе мнѣ отъ фамиліи Ишмаэла бен—Фаби, горе мнѣ отъ кулака ихъ. Сами они были архіереями, сыновья ихъ казначеями, зятья ихъ храмовыми начальниками, а слуги ихъ были народъ палками“ (ср. Тосефту къ Менахотъ XIII, 7 Ugolini Thes. XIX, 713). Эта вымученный вопль раввиновъ (одинъ изъ нихъ Іерусалимлянинъ, по Тосефгѣ) правдивый исторический комментарій себѣ находить въ сообщеніяхъ Іосифа Флавія объ архіереяхъ этихъ родовъ, особенно объ Ананѣ младшемъ въ Antiq. XX, 9.

Въ такой атмосферѣ жило и такимъ воздухомъ дышало

тогдашнее іудейское архієйство, особенно въ родѣ Анана Политиканство и интриги, алчность наживы и торгашество, продажность, тайные и явные подкупы, насилия и грабежи при помощи хулиганскихъ подонковъ народа и своихъ не-годяевъ—слугъ, лакейство предъ сильными міра сего и без-застѣничное угнетеніе слабыхъ, ревнивая забота о сохраненіи своего привилегированного положенія въ народѣ, же-стокость и своеволіе, нигилизмъ политической, безвѣріе ре-лигіозное, материализмъ и мамонослуженіе: эти, ярко освѣщен-ные и выкуплены выставленная Іосифомъ Флавіемъ, черты тогдашняго іудейского архіерейства вполне соотвѣтствуютъ поведенію Аины и Каїафы въ судѣ какъ надъ Христомъ, такъ и надъ апостолами (Дѣ 4, 6; 5, 17; 7, 1. 54 сл. 23, 2; 24, 1).

Такимъ людямъ предалъ Іуда своего Учителя и такое дѣй-ствіе на него долженъ быть произвести архіерейско-синед-ріонскій судъ надъ Христомъ.

Іуда предавалъ Учителя во имя, хотя и ложнаго, мессіан-скаго идеала,—архіереи не вѣрили въ мессію и не имѣли никакихъ идеаловъ. Предатель могъ и имѣть всѣ права ожидать отъ синедріона разъясненій относительно лжемес-сіанства Іисуса и несоответствія Его ученія библейско - от-кровенному идеалу мессіи, а архіереи только явно и нагло лицедѣйствовали для оформленія уже предрѣшенного убій-ства: преданный Іисусъ былъ для нихъ не лжемессія, а опас-ный только политический демагогъ, коего надо во что бы то ни стало отшвырнуть съ дороги, какъ препятствіе для привеллігированного благополучія архіерейства. Виѣсто сви-дѣтеля противъ лжемессіи предатель оказался простою иг-рупкою въ рукахъ ловкихъ интригановъ и невѣровъ. Ар-хіереи не вѣрили ни въ мессію, ни въ націю,—ни въ Бога, ни въ правду. Мессіею ихъ былъ Кесарь, правдою—насилие и самоволіе, Богомъ—мамона, націю—они сами, выгоды и благополучіе материальное архіерейскаго аристократического и богатаго рода Анана. Издали эти владыки душъ и тѣль Израиля могли казаться для смертныхъ простецовъ людьми особой породы и вышечеловѣками, съ своими огромными богатствами, богослужебною помпою, дворцами и магазинами. Но вблизи и на дѣлѣ это были только „раскрашенныя стѣны“, величественные совнѣ и каменно-безжизненные внутри,—

или „гробы побѣленные, совнѣ кажущіеся красивыми, а внутри полные всякой печиши и мерзости“.

Іуда прозрѣлъ теперь, Кого и кому онъ предалъ. Символические тридцать серебряныхъ монетъ жгли руки несчастного злодѣя. Предавая лжемессію, Іуда надѣялся найти мессію. Вмѣсто того онъ потерялъ мессію и нашелъ „Кровь невинную и правую“. Съ потерей мессіи и религіи, предатель не потерялъ совѣсти, сознанія грѣха и ошибки, способности раскаянія.

M. Myретовъ.

(Продолженіе будетъ).
